

Исследовательская статья
УДК 322
<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-42-63>

Эволюция и результаты атеистической пропаганды в Бурятской АССР во второй половине 1960-х – начале 1990-х гг.

Пётр Константинович Дашковский¹, Егор Андреевич Траудт²

^{1, 2} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ dashkovskiy@fpu.asu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

² traudt805ea@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0004-8439-3151>

Аннотация. В наши дни вопрос о механизмах и методах проведения вероисповедной политики приобретает особую важность не только для осмысления исторического опыта, но и понимания специфики современной конфессиональной ситуации. Цель данного исследования — проследить эволюцию атеистической пропаганды в Бурятии советского периода с учётом данных, полученных на основе работы с ранее не публиковавшимися архивными материалами. В наши задачи входило: 1. Выделить этапы атеистической пропаганды в Бурятии; 2. Уточнить структурно-организационные моменты, связанные с её осуществлением; 3. Описать формы и методы её проведения; 4. Установить связь между эволюцией этих форм и методов с а) идеологическими приоритетами государственной политики и б) результатами атеистической пропаганды. Материалами исследования послужили архивные данные Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Республики Бурятия, фиксирующие деятельность ключевых институтов, ответственных за проведение атеистической политики. Методология опирается на комплексный системный подход, сочетающий сравнительно-исторический и ретроспективный методы с элементами герменевтического анализа. В результате реконструирован процесс эволюции атеистической пропаганды в Бурятии. Выделены два основных его этапа: период «позднего социализма» (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.) и период «перестройки» (с начала 1990-х гг.). Выявлено, что основные задачи по атеистической пропаганде в Бурятии выполняли уполномоченные Совета по делам религий при СМ СССР, члены Бурятского отделения общества «Знание» и представители Всесоюзного общества «Знание», сотрудники Бурятского опорного пункта Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, а также комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культурах. Формы и методы проведения атеистической пропаганды периода «позднего социализма» достаточно сильно бюрократизированы; акцент сделан на системном контроле за деятельностью религиозных объединений, атеистическое направление является одним из центральных в советской вероисповедной политике, главной фор-

© Дашковский П. К., Траудт Е. А., 2025

мой пропаганды является лекционная деятельность. В этот период обращает на себя внимание появление в регионе филиала Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, его опорных пунктов; определённую роль играла работа лекторской группы ЦК КПСС (лекторы-международники). Эти институции демонстрируют стремление к углублению научной составляющей пропагандистской работы. В свою очередь, политика «перестройки» придала импульс для изменения советской модели государственно-конфессиональных отношений в сторону либерализации и демократизации, однако на региональном уровне эти процессы стали ощущаться не сразу. Атеистическое направление сохранялось в деятельности региональных органов власти, ключевой его формой продолжали оставаться лекции. Однако постепенно акцент сместился на проведение мероприятий, объединявших представителей власти, учёных и религиозных деятелей в формате научных конференций. Несмотря на масштабные усилия, советские механизмы атеистической деятельности не достигли своей главной цели — преодоления религиозности среди населения СССР. Дальнейшие исследования этих процессов на уникальных архивных материалах регионов способны пролить свет на реальные сложности изменения ценностей населения под влиянием идеологических установок; одним из важных дополнений здесь должно стать изучение нарративов, бытовавших в данной связи как у населения, так и в научном сообществе.

Ключевые слова: Атеистическая пропаганда, научный атеизм, Бурятская АССР, религия в СССР, государственно-конфессиональные отношения, общество Знание, вероисповедная политика, буддизм, перестройка

Благодарности: Работа подготовлена в рамках гранта РНФ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России (проект № 23-18-00117).

Для цитирования: Дашковский П. К., Траудт Е. А. Эволюция и результаты атеистической пропаганды в Бурятской АССР во второй половине 1960-х – начале 1990-х гг. // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 4. — С. 42–63. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-3-35-42-63>

Research article

Atheist Propaganda in the Buryat ASSR: Evolution and Outcomes (Late 1960s–Early 1990s)

Peter K. Dashkovskiy¹, Egor A. Traudt²

^{1, 2} Altai State University, Barnaul, Russia

¹ dashkovskiy@fpu.asu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

² traudt805ea@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0004-8439-3151>

Abstract. Nowadays, the question of the mechanisms and methods of implementing religious policy is acquiring particular importance not only for understanding historical experience, but also for understanding the specifics of the contemporary religious situation. The aim of this study is to trace the evolution of atheistic propaganda in Buryatia during the Soviet period, using data obtained from previously unpublished archival materials. To achieve this aim, the study sets the following objectives: 1. To identify the stages of atheistic propaganda in Buryatia; 2. To clarify the structural and organizational aspects associated with its implementation; 3. To describe the forms and methods of its implementation; 4. To establish the connection between the evolution of these forms and methods with a) the

ideological priorities of state policy and b) the results of atheistic propaganda. The study materials were archival data from the State Archives of the Russian Federation, the Russian State Archive of Socio-Political History, and the State Archives of the Republic of Buryatia, documenting the activities of key institutions responsible for implementing atheistic policy. The methodology is based on a comprehensive systemic approach, combining comparative-historical and retrospective methods with elements of hermeneutic analysis. As a result, the evolution of atheistic propaganda in Buryatia is reconstructed. Two main stages are distinguished: the period of "late socialism" (the second half of the 1960s - the first half of the 1980s) and the period of "perestroika" (the early 1990s onward). It was revealed that the main tasks of atheistic propaganda in Buryatia were carried out by authorized representatives of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR, members of the Buryat branch of the "Znanie" society and representatives of the All-Union "Znanie" society, employees of the Buryat support center of the Institute of Scientific Atheism of the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU, as well as the commission for assistance in compliance with legislation on religious cults. The forms and methods of conducting atheistic propaganda during the "late socialism" period were quite heavily bureaucratized; Emphasis was placed on systemic oversight of the activities of religious associations. Atheism was one of the central components of Soviet religious policy, with lectures serving as the primary form of propaganda. During this period, the establishment of a regional branch of the Institute of Scientific Atheism of the Academy of Social Sciences under the CPSU Central Committee and its support centers was noteworthy; the work of the CPSU Central Committee's lecture group (international lecturers) played a significant role. These institutions demonstrate a commitment to deepening the scientific component of propaganda. In turn, the policy of perestroika provided impetus for changes in the Soviet model of state-confessional relations toward liberalization and democratization, although these processes were not immediately felt at the regional level. Atheism persisted in the activities of regional government bodies, with lectures remaining its key form. However, the emphasis gradually shifted to holding events that brought together government officials, scholars, and religious figures in the format of academic conferences. Despite extensive efforts, Soviet mechanisms of atheistic propaganda failed to achieve their primary goal — the elimination of religiosity among the population of the USSR. Further research into these processes, using unique regional archival materials, could shed light on the real complexities of changing the population's values under the influence of ideological attitudes. A key contribution here should be the study of the narratives circulating in this regard, both among the population and within the academic community.

Keywords: atheist propaganda, scientific atheism, Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic (Buryat ASSR), religion in the USSR, state-confessional relations, Znanie society, confessional policy, Buddhism, Perestroika

Acknowledgements: The work was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant "The influence of the imperial acculturation policy and the Soviet model of state-confessional relations on the situation of religious communities in border regions and national autonomies of the Asian part of Russia (project No. 23-18-00117).

For citation: Dashkovskiy, P. K., Traudt, E. A. (2025) 'Atheist Propaganda in the Buryat ASSR: Evolution and Outcomes (Late 1960s–Early 1990s)', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(4), pp. 42–63. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-3-35-42-63>

Введение

Б последние годы появляется всё больше исследований на стыке истории и религиоведения, посвящённых изучению российского и мирового опыта государственно-конфессиональных отношений. Особое место здесь по праву

занимает советская модель отношений органов власти и религиозных объединений, основанная на концепции атеистического государства. При этом неоднократно отмечалось, что его кажущаяся идеологическая монолитность представляла собой своего рода миф: вероисповедная политика, как и практики её осуществления, не оставались неизменными, реагировали

как на внутриполитические вызовы, так и на изменения международной ситуации. С целью уточнения данных об этой своеобразной модели и её трансформациях представляется важным обращение к такому источнику данных, как массив архивных документов, ставших доступных исследователям после «архивной революции» конца 1980-х – начала 1990-х гг.¹

Исследователи советской коммунистической идеологии согласны, что в её основе лежала уникальная система ценностей и убеждений, объединявшая людей и определявшая соответствующие общественные отношения [Luehrmann, 2011]. С точки зрения самих идеологов советского марксизма атеизм представлял собой аспект этой системы ценностей, релевантный новой идеи «нового человека» — творца истории: после «закономерного отмирания» «религиозных пережитков» и предрассудков, тормозящих исторический процесс, в общественном сознании должно прочно утвердиться научно обоснованное убеждение в независимости человека от фантома «сверхъестественного объекта», абсолютизировавшего фантазию о всесильном и всеблагом «духе-помощнике».

Разумеется, по мере развития советского государства сам концепт атеизма, как и способы его культивирования, менялся; менялось и отношение к религии со стороны власти [Смолкин, 2021; Шахнович, Терюкова, 2022]. Наиболее известными вехами на этом пути в настоящее время считаются аспекты сталинской реконструкции религии в СССР с целью укрепления патриотизма советских людей, и так называемая «хрущёвская антирелигиозная кампания» 1958–1964 гг., направленная, напротив, на ускоренное искоренение «религиозных пережитков» и ограничение деятельности религиозных объединений. Эти примеры убедительно демонстрируют, что атеизм, оставаясь одним из краеугольных камней идеологии советского государства, постоянно подвергался корректировке. Инициативы такого рода могли исходить только

от центральной власти; однако над их конкретизацией и проведением в жизнь работал целый аппарат партийных идеологов, учёных и пропагандистов, как в центральном аппарате, так и на местах. Следует подчеркнуть, что никто из них не мог уклониться от «определенной линии партии»; однако установка на научность требовала от идеологов атеизма проведения серьёзных религиоведческих исследований, включая исследования в области философии, социологии и психологии религии. Нередко позиции учёного и пропагандиста совпадали в персональном опыте одного и того же человека, создавая прецеденты «ангажированного религиоведения» [Слантьева, 2024] советского извода.

Атеистическая пропаганда, таким образом, воплощала идейные установки советского марксизма, стремившегося соединить науку и идеологию в «одном, единственно верном» мировоззрении, которое должно было в конечном счёте «овладеть массами». По этой причине распространение атеизма (то есть существенной части этого мировоззрения) среди населения стало в СССР одним из важных направлений деятельности партийных и государственных органов, а также системы образования. Атеистическая пропаганда, с одной стороны, должна была «расколдовывать» религиозную картину мира, разоблачать «обманщиков»-священнослужителей, а с другой — популяризировать и утверждать научно-материалистическое мировоззрение, на основе которого «должно быть выстроено» будущее коммунистическое общество.

Над осуществлением этой цели работали специально созданные институции. Среди них выделим наиболее крупные — действовавший с 1925 по 1947 гг. Союз воинствующих безбожников и открытое в 1947 г. Всесоюзное общество «Знание» (далее — общество «Знание»).

Разумеется, процесс атеизации населения СССР не сводился к деятельности в рамках этих организаций. Над её реализацией

¹ Термин предложен в работе [Хлевнюк, 2025].

прямо или косвенно работали представители разных сфер, от работников культуры и искусства до членов партийных организаций на предприятиях. Тем самым в пропаганду атеистического мировоззрения было вовлечено действительно большое количество людей и коллективов, что проявляло с одной стороны организационные инновации по управлению государством с помощью идеологических «приводных ремней», а с другой — в полной мере демонстрировало субъективный характер советской секуляризации [Сосковец, 2013: 180].

Необходимо также учитывать региональный аспект поддержания практик атеистической работы, без чего невозможно составить полную картину распространения атеизма в СССР. Пропагандисты «центрального аппарата» регулярно отправлялись в командировки по стране (именно так работало общество «Знание»). Однако их деятельность в принципе не могла закрыть все ниши «на местах». Именно поэтому изучение специфики проведения атеистической пропаганды на определённых территориях требует более полного и всестороннего изучения за счёт обращения к архивным данным.

В нашем исследовании мы обратились к рассмотрению атеистической пропаганды в Бурятской АССР периода «позднего социализма» и «перестройки» (вторая половина 1960-х – начала 1990-х гг.). Его началом условно можно считать время прихода к власти Л. И. Брежнева, отмеченное отказом от «сверхинтенсивной» атеистической пропаганды времён Н. С. Хрущёва. Верхняя граница периодизации захватывает период «перестройки», когда система отношений государства и религиозных объединений изменилась радикальным образом на фоне отказа от советской системы и её специфической идеологии. Несмотря на наличие серьёзных работ, освещавших эти вопросы во всесоюзном масштабе [Курилов, 2021; Селезнев, 2018; Смолкин, 2018; Сосковец, 2013; Шахнович, 2006: 167–197] и в региональном аспекте [Дашковский, Дворянчикова, 2019; Дашковский, Ожиганов, 2022; Селезнев, 2021], в исследовательской литературе к настоящему

времени всё ещё недостаточно представлены данные о структуре и особенностях организации атеистической пропаганды в Бурятии указанного периода.

Материалы и методы

Источниковой базой текущего исследования выступили материалы Государственного архива Республики Бурятия (Фонд Р-1665 «Правление общества “Знание”», а также Фонд Р-1857 «Уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров Бур.АССР, г. Улан-Удэ»). Параллельно использовались данные Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) (Фонд Р-1669), Российского архива социально-политической истории (РГАСПИ) (Ф. 404), усилившие источниковую базу уникальными документами, также содержащими информацию об атеистическом направлении деятельности госорганов и иных структур на местах в указанный промежуток времени. Источниковая база исследования представлена преимущественно делопроизводственной документацией общественных, советских и научных организаций; она состоит из статистических и информационных отчётов уполномоченного Совета по делам религий, комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культурах, Бурятского отделения общества «Знание» и др.

Важной частью источников базы стали также документы Бурятского филиала Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. Она представлена планами научных исследований, конференций, отчётомами учреждения о проведённой работе. Эти документы впервые вводятся в научных оборот; именно на их основе мы реконструировали свою версию эволюции атеистической пропаганды в Бурятии, описали методы и механизмы её реализации, а также рассмотрели некоторые статистические показатели в динамическом развитии.

Методологией работы выступает системный подход, который используется при рассмотрении государственно-конфессиональной проблематики, а также в ходе

изучения деятельности государственных и общественных структур. При таком подходе государственно-конфессиональные отношения рассматриваются как совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей и взаимоотношений, с одной стороны, институтов государства, а с другой — институциональных образований самих конфессий [Дашковский, Дворянчикова, 2022: 15]. Эти отношения основываются на законодательном закреплении представления о месте религии и религиозных объединений в жизни общества, а также их функциях, сферах деятельности и нормативных компетенциях [Шахов, 2019: 16–17].

Системный контроль и научно-атеистическая работа в Бурятской АССР в эпоху «позднего социализма»

Как уже упоминалось, на рубеже 1963–1964 гг. наметился очередной пересмотр советской вероисповедной политики. Радикальная антирелигиозная компания, проводимая ранее Н. С. Хрущёвым, показала свою контрпродуктивность, создавая ненужные точки напряжения в государственно-конфессиональных отношениях. Именно поэтому ещё до прихода к власти Л. И. Брежнева наступило осознание нецелесообразности радикализации вероисповедной политики [Алексеев, 1991: 375]. Однако, несмотря на очевидное смягчение, кардинального её изменения не произошло. Исследователи отмечают: в брежневскую эпоху борьба с религией постепенно превращается в бюрократическую рутину, сводившуюся к тотальному контролю и наблюдению за религиозными организациями в рамках формальных процедур [Савин, Деннингхаус, 2024: 419–444]. При этом на местах эти формальные процедуры могли не только не способствовать распространению атеизма, но и косвенно

поддерживать рост религиозных настроений (уже к середине 1970-х гг. зафиксированного официально как минимум в молодёжной среде)².

При этом ещё в 1964 г. для более консолидированного и прицельного контрольно-учётного наблюдения за деятельностью религиозных объединений Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов были объединены в единый орган — Совет по делам религий при СМ СССР. На местах была создана **система уполномоченных** Совета по делам религий при СМ СССР; они отвечали за регулирование государственно-конфессиональных отношений в отдельно взятом регионе [Советов, 2011: 349–369].

Тогда же, в 1964 г. в соответствие со специальными решениями ЦК КПСС был создан Институт научного атеизма (далее — ИНА) Академии общественных наук (далее — АОН) при ЦК КПСС. Данное учреждение объединяло вокруг себя ведущих учёных, специализирующихся на исследовании религии. Основной целью ИНА АОН при ЦК КПСС была подготовка кадров высшей квалификации, организация комплексной разработки проблем научного атеизма и проведение общесоюзных научных мероприятий по данной проблематике [Зуев, 2009: 9]. В регионах СССР постепенно шёл процесс создания опорных пунктов ИНА АОН при ЦК КПСС, что в конечном счёте должно было помочь в более консолидированной организации атеистической работы на всей территории страны. Однако несмотря на логичное с точки зрения руководства ИНА АОН при ЦК КПСС решение по расширению деятельности многие опорные пункты не справлялись с задачами, ограничиваясь формальными мероприятиями и отправкой отчётной документации [Метель, 2022: 46]. Таким образом формировалась система **научных учреждений**, в чьи задачи входил мониторинг религиозной ситуации в стране.

² Именно этому факту, не укладывавшемуся в общую линию «поступательного продвижения» атеизма, была посвящена докторская диссертация одного из будущих руководителей Всероссийского общества «Знание» (Арсенкин В. К. Кризис религиозности и молодёжь: методологические аспекты исследования: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.06. Москва, 1975. 382 с.), опубликованная затем в 1984 в виде монографии «Кризис религиозности и молодёжь» [Арсенкин, 1984].

В Бурятии опорный пункт ИНА АОН при ЦК КПСС формируется в 1966 г. при Бурятском институте общественных наук. Совет опорного пункта состоял из 16 человек, бюро насчитывало 5 членов. Руководителем опорного пункта в конце 1960-х гг. стал учёный, специализировавшийся на исследовании шаманизма у народов Азии — кандидат исторических наук (на тот момент) Т. М. Михайлов. Стоит отметить, что между членами Бурятского опорного пункта ИНА АОН при ЦК КПСС и Бурятским отделением общества «Знание», а также с Бурятским филиалом СО РАН существовала достаточно тесная связь, нередко в состав этих учреждений одновременно входили одни и те же люди³. При опорном пункте имелись аспиранты, проводились научные экспедиции, организовывались семинары лекторов-атеистов⁴ и т.д.

Структура опорного пункта дублировала ИНА АОН при ЦК КПСС. Исследования осуществлялись и направлялись проблемными группами. Например, в 1968 г. функционировало 2 проблемные группы: «Буддизм-ламаизм» (руководитель — (тогда) кандидат исторических наук К. М. Герасимова) и «Христианство в Бурятии» (руководитель — В. С. Егоров)⁵. Несмотря на то, что в Бурятии не организовывались масштабные социологические исследования, как в других автономиях СССР⁶, в рамках проблемных групп исследования религиозных процессов всё же велись. В частности, сотрудник Бурятского опорного пункта В. П. Мотицкий рассматривал религиозные пережитки у населения старообрядческих аймаков Бурятии⁷. Р. Ж. Жалсанова в ходе написания кандидатской диссертации на тему «Особенности религиозности среди бурятских женщин» изучала религиозность населения сёл региона⁸. Эти данные

подтверждают вывод коллег-социологов, сделанный ещё в 1999 г.: именно в 1960-х гг. активизируются изыскания в области социологии, в том числе — социологии религии⁹. Наше внимание в данном случае привлек тот факт, что для исследования религиозности населения учёные Бурятского опорного пункта ИНА АОН при ЦК КПСС старались придерживаться строгой научной методологии.

Одним из самых значимых мероприятий, организованных Бурятским опорным пунктом ИНА АОН при ЦК КПСС, стала научно-практическая конференция по вопросам преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становления новых обычаев, обрядов у народов Сибири (1966 г.). Её участники концентрировались на вопросах преодоления пережитков, атеистической работе, возможностях научных учреждений в атеистической пропаганде¹⁰ и т.д. Спустя несколько лет в г. Улан-Удэ прошёл второй зональный семинар лекторов атеистов Сибири, организаторами которого выступили Бурятское отделение общества «Знание». Часть сотрудников Бурятского опорного пункта ИНА АОН при ЦК КПСС опубликовала свои научные труды в вышедшем по её итогам сборнике [Вопросы преодоления пережитков..., 1971].

В то же время, работа Бурятского опорного пункта ИНА АОН при ЦК КПСС регулярно вызывала вопросы у головной организации в Москве. В основном они касались несвоевременности подачи отчётов о деятельности и планов работы¹¹. Т. М. Михайлов в личной переписке с сотрудником ИНА АОН при ЦК КПСС Ю. П. Зуевым, часть из которой сохранилась в фондах РГАСПИ, объяснял пробелы в работе большой загруженностью в других сферах деятельности¹².

³ РГАСПИ, Ф. 606, ОП. 4, д. 123, лл. 2-4.

⁴ РГАСПИ, Ф. 606, ОП. 4, д. 123, л. 16.

⁵ РГАСПИ, Ф. 606, ОП. 4, д. 123, лл. 18-19.

⁶ РГАСПИ, Ф. 606, ОП. 4, д. 194, лл. 10-11.

⁷ РГАСПИ, Ф. 606, ОП. 4, д. 123, л. 36.

⁸ РГАСПИ, Ф. 606, ОП. 4, д. 123, л. 35.

⁹ См. подробнее: [Российская социология шестидесятых годов..., 1999].

¹⁰ РГАСПИ, Ф. 606, ОП. 4, д. 123, л. 22; РГАСПИ, Ф. 606, ОП. 4, д. 123, лл. 9-14 об.

¹¹ РГАСПИ, Ф. 606, ОП. 4, д. 123, лл. 35, 15.

¹² РГАСПИ, Ф. 606, ОП. 4, д. 123, лл. 35, 21.

Схожие аргументы для объяснения проблем в опорных пунктах ИНА АОН при ЦК КПСС выдвигают и другие исследовали [Метель, 2022: 46]. Бурятскому опорному пункту явно не хватало более масштабных и регулярных социологических исследований, чтобы более глубоко проанализировать причины религиозности населения. В итоге во второй половине 1970-х гг. вся научная деятельность религиоведческой тематики сосредоточилась в стенах Бурятского филиала СО РАН¹³. В 1970–1980-е гг., помимо важных работ по вопросам религии, сотрудниками БФ СО РАН были изданы труды по научному атеизму [Институт монголоведения..., 2022: 121]. Так, в 1973 г. сотрудниками БФ СО АН СССР была предпринята попытка первого в СССР социологического исследования последователей буддизма¹⁴. Этот любопытный tandem подтверждает высказанное нами ранее предположение: атеизм в данном случае пользовался вполне доброкачественной научной методологией, которая зачастую давала «неудобные» результаты.

В отчёте по итогам проведённого исследования наряду с выявлением объективных проблем сохранения религиозности населения среди буддистов Бурятии, руководитель исследования К. М. Герасимова, тогда кандидат исторических наук, с научных позиций подошла к разработке рекомендаций по атеистическому воспитанию. Практикам администрирования она противопоставляла атеистическую пропаганду и *переучивание*, которые должны были основываться не на стереотипном восприятии существования религии, а на исследовании реальных причин её воспроизведения.

В целом проблема отсутствия организационных связей между научными учреждениями и органами реализации вероисповедной политики (при уже упомянутой ранее тесной связи между различными научными структурами, изучавшими эту политику) в Бурятии была достаточно

острой. Так, ст. инспектор Совета по делам религий при СМ СССР В. Л. Ефремов, посетивший Бурятскую АССР в 1985 г., в отчётной документации отмечал отсутствие связей между уполномоченным Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР и сотрудниками Бурятского института общественных наук¹⁵.

Важным событием в деятельности БФ СО АН СССР стало проведение в 1976 г. первой и единственной Всесоюзной конференции по проблемам буддизма, которая подвела итоги научных изысканий по этой теме и наметила перспективные направления дальнейших исследований [Институт монголоведения..., 2022: 174].

Ещё одним нововведением в атеистической работе периода «позднего социализма» стало создание *комиссий содействия* по соблюдению законодательства о религиозных культурах при местных органах власти (далее — комиссии содействия). Сам факт их учреждения, на наш взгляд, продиктован многочисленными сообщениями из разных частей страны, которые фиксировали ослабление контроля за религиозной ситуацией со стороны местных руководителей. Из этого вытекает их главная цель — оказание помощи исполнкомам местных Советов депутатов трудящихся по контролю за деятельностью религиозных объединений и соблюдению советского законодательства в отношении религиозной деятельности. Численный состав комиссий содействия зависел от количества имеющихся религиозных объединений и общей религиозной обстановки в той или иной местности, которую курировала конкретная организация. Комиссии могли состоять из депутатов местных Советов, работников финансовых органов, органов народного образования и других лиц из числа местного советского актива, разбирающихся в вопросах законодательства о культурах, осуществляя свою деятельность на общественных началах¹⁶.

¹³ РГАСПИ, Ф. 606, ОП. 4, Д. 5, ЛЛ. 40-41.

¹⁴ ГАРБ, Ф. Р-1857, ОП. 1, Д. 208, ЛЛ. 98-105.

¹⁵ ГА РФ, Ф. Р6991, ОП. 6, Д. 3228, Л. 4.

¹⁶ Законодательство о религиозных культурах (сборник материалов и документов). Москва: Юрид. лит., 1971. С. 88.

В Бурятской АССР комиссии содействия начали создаваться в 1966 г. на основании Постановления СМ Бурятской АССР № 299¹⁷. Анализ архивных материалов позволяет говорить о том, что активная фаза их работы приходится именно на период «позднего социализма»; позднее, в «перестройку», их работа носила скорее инерционный характер, практически не оказывая воздействие на религиозную ситуацию в регионе¹⁸.

На местный образованный класс возлагались обязанности контроля по соблюдению советского законодательства о религиозных культурах, рассмотрение писем и жалоб, а также изучение религиозности населения. Большая роль уделялась работе с верующими и их семьями, а также индивидуальной работе с незаконными религиозными деятелями [Дашковский, Ожиганов, 2022: 151–152]. Важно, что многие мероприятия комиссий содействия осуществлялись совместно с представителями Бурятского отделения общества «Знание». Это может свидетельствовать о попытках консолидации антирелигиозной пропаганды [Дашковский, Траудт, 2023: 187]. Особой частью их деятельности стали финансовые проверки и инвентаризация культовых мест и объектов. В этой части комиссии содействия тесно работали с уполномоченным Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР¹⁹. Данные аспекты позволяют утверждать, что комиссии не были окончательно с уверенны в осуществлении антирелигиозных мероприятий, ориентируясь на другие субъекты осуществления атеистической политики [Траудт, 2023: 57].

Оценивая деятельность комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культурах в Бурятской АССР в период «позднего социализма» можно утверждать, что их работа была достаточно активной и многоплановой. Комиссии содействия, с одной стороны, осуществляли помочь в осуществлении

контроля за религиозным пространством региона, а с другой — регулировали атеистическую работу на уровне местных властей. На наш взгляд, они отчасти совмещали в себе пропагандистский потенциал, характерный для членов общества «Знание», и контролирующую деятельность, присущую должности уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР.

Степень «успешности» работы той или иной комиссии зависела от религиозности населения отдельно взятого района республики, а также от энтузиазма состава той или иной комиссии [Траудт, 2025: 480]. Большой проблемой в их деятельности исследователи по праву считают низкую квалифицированность кадров в вопросах религии, что становилось причиной частых практик администрирования [Ибрагимов, 2005: 57]. К тому же частая ротация кадрового состава провоцировала стагнацию в их деятельности [Дашковский, Траудт: 2023: 188]. Вместе с этим нельзя игнорировать и роль «человеческого фактора». В Бурятии, как и во многих регионах СССР, часто фиксируется «халатное отношение» членов комиссий содействия к проводимой ими работе [Дашковский, Гончарова, 2021: 55; Белоусов, 2017: 200]. По нашему мнению, одной из главных причин подобных «недостатков» была работа на общественных началах: это положение не создавало должного финансового стимула к осуществлению деятельности, а также не освобождало от основной работы её членов. Складывалась ситуация, когда успешность действий той или иной комиссии содействия напрямую зависела от инициативности тех или иных руководителей, что создавало нестабильность и отсутствие постоянства в реализации поставленных задач. В то же время, данное положение дел можно интерпретировать и с альтернативных позиций, допускающих элемент пассивного сопротивления представителей комиссий проведению порученной им работы.

¹⁷ ГА РФ, Ф. Р-1669, ОП. 6, Д. 223, Л. 95.

¹⁸ ГАРБ, Ф. Р-1857, ОП. 1, Д. 170, Л. 12; ГАРБ, Ф. Р-1857, ОП. 1, Д. 188, Л. 9.

¹⁹ ГАРБ, Ф. Р-1857, ОП. 1, Д. 127, Л. 13.

Таблица 1. Количество прочитанных лекций по научно-атеистической тематике в Бурятской АССР в период «позднего социализма»²⁰
Table 1. Number of lectures on scientific and atheistic topics in the Buryat ASSR during the period of "late socialism"

Отчетный год	1967	1968	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1977	1978	1979	1980
Количество прочитанных лекций	2575	2889	1587	1963	2149	3266	3092	2982	2841	2937	3062	2387

В свою очередь, деятельность Бурятского отделения общества «Знание» в период «позднего социализма» не претерпела особых изменений по сравнению с периодом вероисповедной политики Н. С. Хрущёва. Самой «популярной» формой пропаганды по-прежнему оставалась лекционная работа. Партийные работники, как правило, измеряли её успешность в количественных показателях (таб. 1), динамика которых представлена на рис. 1.

Данные, приведённые ниже на рис. 1, показывают: лекционная пропаганда на протяжении периода «позднего социализма» велась неравномерно. Так, к началу 1970-х гг. показатели существенно снижаются. В 1973 г. количество лекций резко увеличивается и всю вторую половину десятилетия находится приблизительно

в одинаковом состоянии. Можно предположить, что на увеличение лекционной пропаганды и атеистической деятельности подействовало принятие в 1971 г. Постановление ЦК КПСС «Об усилении атеистического воспитания населения». Главной целью данного документа было осуждение партийных и идеологических инстанций запримиренческую позицию по отношению к религии, которое наблюдалось на рубеже 1960-х–1970-х гг. ЦК КПСС вновь обязывало партийные комитеты, ВЛКСМ, органы государственной власти, общественные организации серьёзно усилить атеистическое воспитание населения СССР [Алексеев, 1992: 249]. Особое внимание уделялось недопущению влияния религии на молодое поколение советских людей [Волков, Галдубина, 2016: 12].

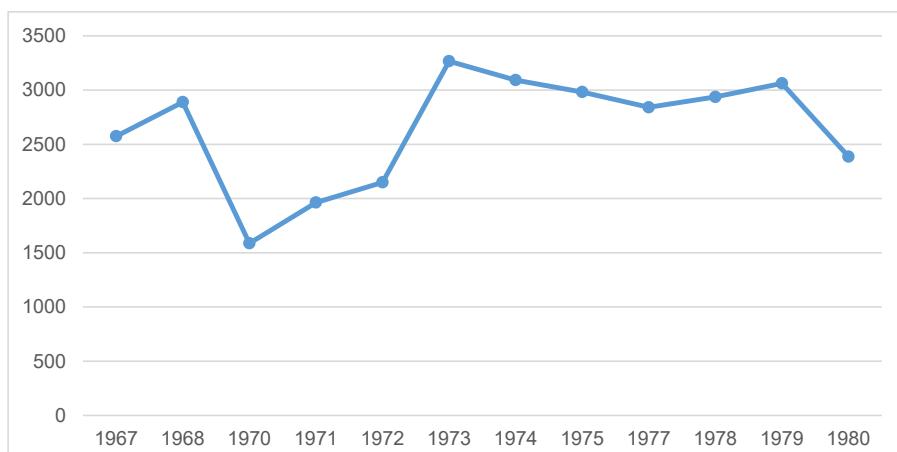

Рисунок 1. Динамика лекционной пропаганды Бурятского отделения общества «Знание» в период «позднего социализма»²¹.

Figure 1. Dynamics of lecture propaganda of the Buryat branch of the Znanie Society in the period of "late Socialism"

²⁰ Сост. по ГАРБ, Ф. Р-1665, ОП. 1. Здесь и далее в источниках по таблицам: так как нет одного дела, в котором было бы собрана используемая статистическая информация, ссылка оставлена, на номер описи, материалы которой использовались для составления данной таблицы. На наш взгляд, перечисление каждого дела соразмерно увеличит список литературы.

²¹ Сост. по ГАРБ, Ф. Р-1665, ОП. 1.

Также тенденция к спаду количественных показателей в лекционной пропаганде наблюдается в 1980 г. Снижение показателей в очередной раз спровоцировало принятие ряда нормативно-правовых актов, направленных на усиление атеистического воспитания. Так, в 1982 г. появляется Постановление СМ Бурятской АССР «О мерах по дальнейшему усилению работы по атеистическому воспитанию». Документ признавал недостаточную атеистическую работу в ряде районов Бурятии (Еравнинский, Кижингинский, Баргузинский) и г. Улан-Удэ. Ориентируясь на нормы Постановления СМ РСФСР «О мерах по дальнейшему усилению работы по атеистическому воспитанию» (1981 г.), этот нормативный акт предписывал проводить более консолидированную и осмысленную атеистическую пропаганду, активнее внедрять социалистические обряды, популяризировать произведения искусства с антирелигиозным содержанием, а также вести борьбу со знахарствами, суевериями и шарлатанством²².

Можно предположить, что, по мысли организаторов процесса, к началу 1980-х гг. изживает себя сам формат лекционной пропаганды. Ещё со второй половины 1960-х гг. в ИНА АОН при ЦК КПСС начали понимать, что индивидуальная работа приносит гораздо больше пользы в атеистическом деле, чем массовые мероприятия²³. По существу, речь в данном случае идёт о применении качественных методов социологии, прежде всего интервью [Климова, Молостова, 2013: 94]. При этом на местах количественные показатели ценились намного больше, чем качественные, так как были более показательны для отчётности. К тому же для проведения индивидуальной работы необходимы были люди особого профессионализма, которые имели знания не только в вопросах религии, но и могли выстроить эффективную коммуникацию с верующим. Таких многопрофильных людей в регионах не хватало; к тому же те, кто её проводил, хуже поддавались контролю

со стороны, что открывало возможность очередной «нормализации» отношения к религии, идущей «снизу». На наш взгляд, именно поэтому индивидуальная работа подобного рода так и не получила широкого распространения на территории СССР.

В данной связи важно отметить следующее.

Во-первых, в период «позднего социализма» не просто меняется вектор вероисповедной политики, когда место государственного и партийного нажима на религиозные объединения, характерных для времён Н. С. Хрущёва, занимает контроль процесса встраивания религии в структуру советской жизни, а форсированные атеистические инициативы переходят в более планомерную и продуманную fazу²⁴. Сама структура атеистической пропаганды на местах, и в Бурятии в частности, претерпевает существенные изменения: появляются новые практики государственного, научного и общественного контроля за её разработкой и проведением, складывается сложная сеть взаимодействия местных и центральных субъектов, действующих в этом проблемном поле.

Во-вторых, осуществляемая атеистическая пропаганда в Бурятии (как, по всей вероятности, и в других регионах) стала более научной не только по названию, но и в прямом смысле. Во второй половине 1960-х гг. открывается Бурятский опорный пункт ИНА АОН при ЦК КПСС, в чьи задачи входила разработка доказательного фундамента антирелигиозной деятельности. Однако в силу ряда причин собственно атеистических успехов эта стратегия не принесла.

В-третьих, создание комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культурах при местных органах власти также не способствовало серьёзным изменениям ситуации в религиозной сфере. Несмотря на активность некоторых представителей, в работе многих комиссий содействия наблюдались

²² ГАРБ, Ф. Р-1857, Оп. 1, Д. 127, Лл. 1-3.

²³ РГАСПИ, Ф. 606, Оп. 4, Д. 53.

²⁴ Причины такого поворота исследователи склонны искать в плоскости международной обстановки, а также в изменениях внутриполитической ситуации [Белякова, 2011].

Таблица 2. Динамика обрядово-финансовой деятельности зарегистрированных религиозных объединений в Бурятской АССР в период 1970–1984 гг.²⁵

Table 2. Dynamics of the ritual and financial activities of registered religious associations in the Buryat ASSR in the period 1970–1984

Категория	Буддисты (Иволгинский дацан)			РПЦ МП (Вознесенская церковь г. Улан-Удэ) ²⁶			Баптисты (г. Улан-Удэ) ²⁶	
	1970	1980	1983	1970	1980	1983	1980	1983
Отчётный год								
Общее количество проведённых обрядов	379	200	195	855	990	1224	-	-
Доходы	190,8	446,5	458,7	93,9	156	158,3	0,16	0,56
Расходы	296,6	449,8	383,7	86,6	154	158,8	0,34	0,58

«недочёты», тормозившие достижение намеченных результатов. Предположительно причинами малой эффективности этого механизма могли стать низкая квалификация её членов по вопросам, связанным с религиями; слабая заинтересованность (по тем или иным причинам) в достижении заявленных результатов деятельности, а также отсутствие должных полномочий для суверенного осуществления каких-либо мероприятий.

В-четвёртых, наличие лекционной пропаганды со стороны общества «Знание», в этот период времени существенно не поменяло методов атеистической пропаганды. Основным её орудием оставалось чтение лекций, распространение печатных материалов и другие формы массовой работы, которые также постепенно утрачивали свою эффективность в деле атеистической пропаганды, осуществляя скорее религиозное просвещение масс методом «от противного».

Нужно сделать небольшое уточнение. Сегодня в научном сообществе нет универсальных критериев для оценки успешности советского опыта атеистического воспитания и пропаганды. Количественные данные, которыми оперировала официальная статистика, часто сами служили идеологической поддержкой проводимых партией и правительством антирелигиозных мероприятий. Оценка реального уровня религиозности населения того периода

также представляется весьма проблематичной. Значительная часть общества могла скрывать свои религиозные убеждения, или по крайней мере не выставлять их напоказ; даже те, кто внутренне разделял атеистические убеждения, могли участвовать в традиционной религиозной обрядности и т.д.

В качестве одной из действенных, хотя и неоднозначных методик оценки влияния работы, проводимой на атеистическом фронте, на степень религиозности населения Бурятии в период «позднего социализма», можно считать анализ данных о функционировании легально действующих религиозных объединений (таб. 2).

Таблица наглядно подтверждает тот факт, что проводимая атеистическая деятельность практически не повлияла на обрядово-финансовую часть зарегистрированных религиозных объединений Бурятской АССР. Напротив, к середине 1980-х гг. каждое из них демонстрировало тенденцию к расширению деятельности. Так например, доходы Иволгинского дацана, Вознесенской православной церкви и баптистов г. Улан-Удэ в период 1970–1983 гг. увеличились в 2,4, 1,6 и 3,6 раз соответственно. Обрядовые практики Вознесенской церкви г. Улан-Удэ также увеличились в 1,4 раза. Парадоксальным выглядит значительный рост доходов Иволгинского дацана при уменьшающемся количестве совершенных обрядов.

²⁵ Составлено по: ГА РФ, Ф. Р-1669, ОП. 6; ГАРБ, Ф. Р-1857, ОП. 1

²⁶ Данные по баптистам г. Улан-Удэ представлены с 1980 г., так как официальную регистрацию данное религиозное объединение получило в 1978 г.

Причина возможно кроется в том, что не было зафиксировано точное число обрядовых мероприятий, так как в отчётной документации уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР указывались лишь обряды прощания с умершими, хотя в действительности могло быть и исполнение других молебнов.

Вместе с тем нельзя не отметить, что антирелигиозная риторика и присущие ей мероприятия повлияли на воспроизведение некоторых обрядов. Так например, процедура прощаний с умершими во всех зарегистрированных религиозных объединениях постепенно перешла из разряда «очных» в категорию «заочных» [Дашковский, Траудт, 2025а: 173]; сходные процессы фиксировались и в других регионах СССР [Белоусов, 2017: 213]. Процедурой гражданской регистрации брака в органах ЗАГС была практически вытеснена и замещена процедура венчаний²⁷. Однако в целом религиозность советского населения к середине 1980-х гг. не только не была преодолена, но и демонстрировала тенденции к усилению. Пропаганда оказывала влияние лишь на некоторые обрядовые действия, но не саму религию как форму мировоззрения.

«Перестройка» и атеистическая пропаганда в Бурятии во второй половине 1980-х гг.

В 1985 г. Генеральным секретарём КПСС становится М. С. Горбачёв. В начале своего руководства страной он взял курс на либерализацию проводимой в СССР политики; её идеологическими локомотивами стали лозунги «ускорение» в экономике и «гласность» в общественной сфере²⁸, а сам период после январского пленума ЦК КСПП (1987 г.) вошёл в историю под названием «перестройка». Причины столь кардинальных преобразований лежат, по мнению многих аналитиков, во многих тенденциях политического и экономического

развития, которые стали проявляться ещё в период «позднего социализма» 1964–1985 [Коткин, 2019].

Несмотря на то, что период «перестройки» характеризуется достаточно быстрым принятием политических решений со стороны руководства СССР, реформирование системы государственно-конфессиональных отношений не представлялось в это время первоочередной задачей. В этой связи потенциал поддержки первых лет преобразований (1985–1987) со стороны верующих был фактически не использован. Такое промедление исследователи связывают с ортодоксальным пониманием религии советским руководством, а также отсутствием единства в проведении либеральных преобразований [Одинцов, 2010: 39].

С одной стороны, члены высшего руководства страны (М. С. Горбачёв, Е. К. Лигачёв) уже после 1985 г. неоднократно высказывались в атеистическом ключе, употребляя известные фразы-клише, связанные с «преодолением пережитков» и «усилением атеистического воспитания». В период 1985-х–1990-х гг. был разработан целый ряд постановлений ЦК КПСС, которые касались ограничения деятельности разных вероисповеданий («Об усилении борьбы с активизацией религиозного сектантства», «О борьбе с реакционным влиянием исламского духовенства», «Об ограничении воздействия католицизма на население», «О мерах противодействия православному влиянию» и др. [Алексеев, 1992: 266].

С другой стороны, в Совете по делам религий при СМ СССР — главном государственном органе, ответственном за выработку и осуществление вероисповедной политики, — имелось чёткое понимание необходимости реформирования работы в сфере государственно-конфессиональных отношений. В частности, имелись свидетельства об объективном повышении гражданской активности верующих,

²⁷ ГАРБ, Ф. Р-1857, ОП. 1, Д. 56, Л. 15.

²⁸ Верт Н. История Советского государства. 1900–1991: учебное пособие. Москва: Проспект, 1992. С. 440.

усилении роли религиозных объединений в общественной жизни. В связи с этим Совет по делам религий при СМ СССР предлагал реформировать существующее законодательство о религиозных культурах, продолжив курс на дальнейшее встраивание верующей части населения в советские реалии [Тулянов, 2025].

Однако процесс перенастройки атеистического аппарата носил в это время противоречивый характер. С одной стороны, государство старалось вовлечь представителей религиозных объединений и верующих в осуществление политики «перестройки», чтобы заручиться их поддержкой. С другой, их легальная деятельность всё ещё находилась под государственным контролем, а партийные органы продолжали требовать активизации атеистической пропаганды и усиления атеистического воспитания. Такая двойственность не способствовала укреплению идеологических основ общества; скорее — помогала выявить несоответствие устаревшего идеологического дискурса и имеющейся действительности [Курилов, 2021]. Политическое решение возвращения религии в публичную и законодательную плоскость подрывало основы всей советской системы, легитимность которой держалась в том числе на постоянной идеологической пропаганде, одним из краеугольных камней которого были атеистические ценности. В условиях демократизации общественной и политической жизни, а также ослабления идеологического барьера, позднесоветские атеисты опасались, что религиозный фактор будет использован в качестве инструмента антисоветской деятельности [Савчук, 2025: 281–284].

Для общества «Знание» периода второй половины 1980-х гг. характерно инерционное развитие и нарастание кризисных явлений. Его руководству становилось понятно, что организация в полном объёме не выполняет поставленные задачи по формированию коммунистического

мировоззрения; а процессы гласности в стране привели к тому, что общество «Знание» постепенно теряло монополию в деле пропаганды. Как следствие, в период «перестройки» значительно падают основные плановые показатели деятельности общества «Знание», которые были главным мерилом его эффективности для ЦК КПСС [Селезнев, 2018: 13, 15].

В Бурятской АССР (с 20.10.1990 г — Бурятская ССР) начальный период «перестройки» не привнёс особых новаций в осуществление атеистической пропаганды. В 1985 г. члены научно-методической секции по пропаганде атеистических знаний провели два районных семинара для лекторов Хоринской и Курумканской районных организаций общества «Знание», подготовили 4 методических материала в помощь лекторам. Кроме того, члены секции продолжали активно публиковать материалы по атеизму в средствах печати. Несмотря на успех деятельности председателя секции Ш. Б. Чимитдожиева, отмеченный руководством регионального отделения общества «Знание», лекторов критиковали за недостаточное количество прочитанных лекций и выездов в районы республики²⁹. Тематика лекций в 1985 г. включала в себя вопросы атеистического воспитания («О задачах научно-атеистического воспитания трудящихся», «Развитие атеизма в Бурятии»), историческом развитии буддизма («Буддизм: история и учение»), состояния религии в СССР («Современное положение религии в СССР») и др.³⁰.

В 1986 г. увидел свет сборник «Атеизм и религия в Бурятии», который на материале социологических исследований рассматривал состояние буддизма, шаманизма и старообрядчества в республике. В статье «О некоторых факторах сохранения религиозных пережитков в Бурятской АССР» Т. М. Михайлов в числе факторов сохранения «пережитков» среди населения выделял недостаточную атеистическую работу, формализм в работе и малое количество

²⁹ ГАРБ, Ф. Р-1665, Оп. 1, Д. 522, ЛЛ. 67–68.

³⁰ ГАРБ, Ф. Р-1665, Оп. 1, Д. 522, ЛЛ. 126–127.

выпускаемой атеистической литературы [Михайлов, 1986: 34–50]. В свою очередь, в книге «Преодоление религиозных пережитков в Бурятии», написанной Н. И. Крючковым и Т. М. Михайловым [Крючков, Михайлов, 1987: 130], в 1987 г., нами также не обнаружено существенного отхода от распространённых ранее в среде учёных и идеологов взглядов на роль религии в жизни общества.

Первые ласточки новых подходов встречаются, по нашим наблюдениям, на пленуме республиканского отделения общества «Знание», который проводился в 1987 г. Здесь развернулась дискуссия по поводу методов ведения пропагандистской работы. Доклад председателя Правления республиканской организации общества «Знание» был посвящён изменению работы организации в условиях «ускорения» и «перестройки»³¹. Многие члены организации отмечали устарелость односторонних форм пропаганды (в основном, лекций) и высказывали необходимость замены их мероприятиями, которые могут давать обратную связь (круглые столы, пресс-конференции)³². Немаловажной частью обсуждений стал вопрос о квалификации лекторов³³. Как видим, в первые годы периода «перестройки» пропагандистский и научный дискурс по отношению к религии по сравнению с предыдущими периодами существенно не менялись. Атеистическое воспитание признавалось основным методом борьбы с религиозностью. Осознавая свои проблемы и недочёты, пропагандисты атеизма были готовы тщечно корректировать свою деятельность, в то же время отказываясь от её радикального пересмотра.

Серьёзные подвижки в вопросе об отношениях государства и религиозных организаций начали происходить к 1988 г.; во многом они были связаны

с празднованием 1000-летия крещения Руси. Всесоюзный характер данного празднества стал причиной не только возрастания интереса к истории религиозных систем, но также способствовал общему всплеску религиозности населения [Молодов, 2015: 96; Тулянов, 2024].

Однако в Бурятии эти изменения в государственно-конфессиональных отношениях отзывались далеко не сразу, атеистическая пропаганда продолжала строиться по прежним лекалам. Так, в 1988 г. научно-методической состав секции по пропаганде научно-атеистических знаний принимал участие в республиканском семинаре атеистов. Помимо этого, ряд членов секции участвовал в районных мероприятиях подобного рода и чтениях атеистических лекций³⁴. В этом же году председатель правления Бурятского отделения общества «Знание» Г. Д. Басаев выражал серьёзную озабоченность содержанием и методическим уровнем лекций по атеистической тематике. Большинство лекций, по мнению Басаева, читались на одни и те же темы, как и много лет назад³⁵.

Смена установок лекционной пропаганды происходит в 1991 г. Вопросы атеистического воспитания постепенно отходят на второй план, хотя не исчезают полностью. Основным проблемным полем лекций становится взаимодействие религии и культуры, межконфессиональные отношения. Ещё одна характерная черта этого периода — взаимодействие в ходе общих научных семинаров представителей власти, религиозных объединений и учёных, представлявших научного атеизма³⁶. Так, в республиканском семинаре лекторов, помимо пропагандистов и учёных, принимали участие секретарь Центрального духовного управления буддистов СССР. В 1991 г. в г. Улан-Удэ был организован лекторий по теме «Рождество и рождественские

³¹ ГАРБ, Ф. Р-1665, Оп. 1, Д. 951, Лл. 22–23.

³² ГАРБ, Ф. Р-1665, Оп. 1, Д. 546, Л. 4.

³³ ГАРБ, Ф. Р-1665, Оп. 1, Д. 536, Л. 17, 29, 34.

³⁴ ГАРБ, Ф. Р-1665, Оп. 1, Д. 574, Лл. 5–8.

³⁵ ГАРБ, Ф. Р-1665, Оп. 1, Д. 550, Л. 17.

³⁶ Термин религиоведение «легализован» в также 1991 г., когда кафедра Научного атеизма МГУ им. М. В. Ломоносова была переименована в кафедру Философии религии и религиоведения.

праздники христианской церкви», главным спикером которого выступил священник Вознесенского храма г. Улан-Удэ о. А. Мхедзе³⁷.

В то же время, члены научно-методического совета по пропаганде истории и теории религии и атеизма продолжали читать лекции, выезжая в районы³⁸. В 1991 г. таким образом было прочитано 198 лекционных материалов³⁹. Отметим, что количество таких лекций несравненно с предыдущими годами, по сравнению с 1967 г. оно уменьшилось в 13 раз. Что, по нашему мнению, свидетельствует по меньшей мере об инерционном характере проведения лекционной пропаганды.

В работе уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ Бурятской АССР также наблюдается сдвиг от однозначной пропагандистской позиции. В русле проходящей либерализации и демократизации государственно-конфессиональных отношений его деятельность смещается в сторону невмешательства — на фоне роста активности самих религиозных организаций. Показательно с этой точки зрения возвращение в 1989 г. (после долгих разбирательств) Успенской церкви верующим г. Кяхта. Уверенную тенденцию к росту в то же время демонстрировала финансовая и обрядовая часть деятельности Вознесенской церкви г. Улан-Удэ [Дашковский, Траудт, 2025с: 243–245]. Сходная ситуация наблюдается и в отношении буддийской конфессии [Дашковский, Траудт, 2025б: 225]. Однако с этими конструктивными мероприятиями в области утверждения свободы совести уживались призывы к активизации атеистических и контрольных мероприятий в отношении работы комиссий содействия. Продолжал осуществляться контроль за выездами буддийских лам на совершение обрядов в районы, проводился учёт имущества религиозных объединений⁴⁰.

Собранные нами данные позволяют сделать вывод, что несмотря на изменение общественно-политической жизни, которое знаменует собой период «перестройки», атеистическая пропаганда в этот период меняется очень медленно, формально оставаясь в привычных ей рамках. Видимые изменения начинают происходить лишь на излёте советской истории, в 1990–1991 гг. Они связаны с общей сменивой идеологических установок внутренней политики, с постепенной дискредитацией коммунистической идеологии, ослаблением позиций партийного контроля. При этом общая либерализация вероисповедной политики, после принятия в 1990 г. законов СССР «О свободе совести и религиозных объединениях» и закона РСФСР «О свободе вероисповеданий», сказалась на процессах атеистической пропаганды в Бурятской АССР далеко не сразу: эта деятельность ещё некоторое время велась по инерции, хотя и начала постепенно утрачивать своё влияние на ценности индивидов и групп.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов о характере, эволюции и эффективности атеистической политики в Бурятской АССР в период со второй половины 1960-х по начало 1990-х гг.

В период «позднего социализма» произошёл отход от радикальных методов в сторону системного контроля и бюрократической рутинизации контролирования осуществления религиозной деятельности. Создание Бурятского опорного пункта ИНА АОН при ЦК КПСС и комиссий содействия ознаменовало попытку придать атеистической работе более научный и плановый характер. Однако на практике эти институты столкнулись с дефицитом кадров, формализмом и отсутствием

³⁷ ГАРБ, Ф. Р-1665, ОП. 1, Д. 605, Л. 7.

³⁸ ГАРБ, Ф. Р-1665, ОП. 1, Д. 605, Л. 8.

³⁹ ГАРБ, Ф. Р-1665, ОП. 1, Д. 605, Л. 13.

⁴⁰ ГАРБ, Ф. Р-1857, ОП. 1, Д. 188, ЛЛ. 22-23.

действенных стимулов. Качественные социологические исследования, объективно демонстрировали неэффективность применяемых методов и сложную, часто нерелигиозную по своей мотивации, природу сохранения обрядовости. Данные о стабильном и даже растущем числе обрядов и финансовых поступлений в религиозные объединения Бурятии в 1970-х – начале 1980-х гг. являются доказательством малой эффективности проводимого атеистического воспитания.

Годы «перестройки» обострили глубинный кризис советского атеистического проекта. Аппарат пропаганды, представленный обществом «Знание», продолжал работать по инерции, демонстрируя полную неспособность к концептуальному и методологическому обновлению. Его риторика и методы кардинально расходились с процессами либерализации и растущим общественным интересом к религии как к части национальной культуры и истории. Принятие законов СССР и РСФСР, регулирующих сферу свободы

совести в 1990 г. стало законодательным закреплением новой системы отношений государства и религиозных объединений, в которой атеизм уже не занимал главенствующей роли.

К концу 1980-х гг. стало очевидно, что советская модель секуляризации при наличии многочисленных попыток не смогла предложить адекватной замены религиозному мировоззрению и продемонстрировала, что насильтвенное вытеснение религии из публичной и частной сферы ведёт не к построению «нового человека и общества», а к кризису идентичности, формализации идеологии и, в конечном счёте, упадку самой системы атеистической пропаганды. При этом продолжила активное развитие научное сообщество религиоведов, сложившееся в рамках «научного атеизма»: эти учёные, а также их ученики, заложили основы современных исследовательских подходов в области социологии, психологии и философии религии в России.

Список литературы:

Алексеев В. А. "Штурм небес" отменяется?: Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. — Москва: Россия молодая, 1992. — 299 с.

Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. — Москва: Политиздат, 1991. — 400 с.

Арсенкин В. К. Кризис религиозности и молодёжь. — Москва: Наука 1984. — 264 с.

Белоусов С. С. Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианского населения в годы советской власти (октябрь 1917–1991 гг.). — Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. — 341 с.

Белякова Н. А. Религиозная политика в западных республиках позднего СССР: центр и регионы (на примере Украины) // Петербургские исследования. — 2011. — № 3. — С. 291–313.

Волков А. П., Галдобина С. В. Молодежь и советское государство в 60-е – 80-е гг. XX столетия: некоторые проблемы эффективности воспитания и взаимоотношений // Вестник Екатерининского Института. — 2016 — № 4 — С. 7–15.

Вопросы преодоления пережитков ламаизма, шаманизма и старообрядчества / отв ред.: А. А. Белоусов. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. — 142 с.

Дашковский П. К., Гончарова Н. С. Деятельность комиссий содействия по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культурах в середине 1970 — начале 1980 гг. в Хакасии (Южная Сибирь) // Религиоведение. — 2021. — № 1. — С. 51–63. <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2021.1.51-63>

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Атеистическая пропаганда на Алтае как элемент государственно-конфессиональной политики в 1964–1982 гг. // Религиоведение. — 2019. — № 2. — С. 47–55 <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2019.2.47-55>

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири. — Барнаул: Алтайский государственный университет, 2022 — 153 с.

Дашковский П. К., Ожиганов А. Н. Атеистическая пропаганда в Хакасии в середине 1960-х – середине 1970-х гг. // Народы и религии Евразии. — 2022. — Т. 27, № 3. — С. 144–161. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2022\)3-10](https://doi.org/10.14258/nreur(2022)3-10)

Дашковский П. К., Траудт Е. А. Деятельность комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культурах в Бурятии во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. // Народы и религии Евразии. — 2023. — Т. 28, № 2. — С. 181–196. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2023\)2-10](https://doi.org/10.14258/nreur(2023)2-10)

Дашковский П. К., Траудт Е. А. Положение буддистов Бурятии в контексте религиозной политики СССР во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2025а. — № 2. — С. 167–177. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-69-2-15>

Дашковский П. К., Траудт Е. А. Положение буддистов Бурятии в условиях либерализации советской вероисповедной политики // Журнал фронтирных исследований. — 2025б. — № 3. — С. 207–236. <https://doi.org/10.46539/jfs.vl0i3.758>

Дашковский П. К., Траудт Е. А. Православные общины Бурятской АССР в условиях изменения советской вероисповедной политики во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. // Народы и религии Евразии. — 2025с. — Т. 30, № 1. — С. 227–255. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2025\)1-13](https://doi.org/10.14258/nreur(2025)1-13)

Зуев Ю. П. Институт научного атеизма (1964–1991) // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1, Кн. 1. — Москва: МедиаПром, 2009. — С. 9–34.

Ибрагимов Р. Р. Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. — Казань: Казанский государственный университет, 2005. — 181 с.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук: 100 лет. Том I. От Буручкома к ИМБТ СО РАН / отв. ред.: Б. В. Базаров. — Иркутск: Оттиск, 2022. — 308 с.

Климова С. М., Молостова Е. С. Научный атеизм в поисках методологии изучения религиозности советского человека (60–80-е гг. XX века) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2013. — № 16. — С. 86–96.

Коткин С. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. — Москва: Новое литературное обозрение, 2018. — 240 с.

Крючков Н. И., Михайлов Т. М. Преодоление религиозных пережитков в Бурятии. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987. — 144 с.

Курилов В. А. «Перестройка» атеистической системы в Советском Союзе (1986–1991) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. — 2021. — № 3. — С. 178–190. https://doi.org/10.35231/18186653_2021_3_178

Метель О. В. Институт научного атеизма и развитие религиоведческих исследований в СССР в 1960–80-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. — 2022. — № 2. — С. 40–50. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-40-50>

Михайлов Т. М. О некоторых факторах сохранения религиозных пережитков в Бурятской АССР // Атеизм и религия в Бурятии. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. — С. 34–50.

Молодов О. Б. Государственно-конфессиональные отношения в СССР на переломном этапе (на материалах областей Европейского Севера) // Социум и власть. — 2015. — № 2. — С. 95–99.

Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985–1997 гг. — Москва: Российское объединение исследователей религии, 2010. — 444 с.

Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред.: Г. С. Батыгин. — Санкт Петербург: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. — 683 с.

Савин А. И., Дённингхаус В. Леонид Брежnev. Опыт политической биографии. — Москва: РОССПЭН, 2024. — 719 с.

Савчук Р. А. От «атеизации» общества к «секуляризации» религии: трансформации позднесоветского атеизма конца 1980-х годов (по материалам ежегодника «Вопросы атеизма») // Вопросы теологии. — 2025. — Т. 7, № 2. — С. 270–287. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2025.207>

Селезнев А. В. Демиурги нового мира: просветительская деятельность Красноярской краевой организации общества «Знание» в 1947–1992 гг. — Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. — 400 с.

Селезнев А. В. Периодизация истории Всесоюзного общества «Знание» на основе сравнительного и функционального анализа эволюции его целевых установок, организационных основ и структуры // Человек и культура. — 2018. — № 1. — С. 17–33. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2018.1.25597>

Силянтьева М. В. Ангажированное религиоведение. Концептуализация понятия // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире. — Москва: Русское общество истории и философии науки, 2024. — С. 519–523.

Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. — Москва: Новое литературное обозрение, 2021. — 552 с.

Советов И. М. Совет по делам религий при СМ СССР: структура, функции и основные направления деятельности: (Эпоха В. А. Куроедова, 1966–1984 гг.) // Свобода совести в России: исторические и современные аспекты. Вып. 9. — Санкт-Петербург: Российское объединение исследователей религии, 2011. — С. 349–369.

Сосковец Л. И. Антирелигиозные практики Советского государства: цели, структура, этапы, средства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 9-2. — С. 178–182.

Траудт Е. А. К вопросу о деятельности комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культурах в Бурятской АССР в первой половине 1980-х гг // Социальные коммуникации: философские, культурологические, исторические, психологические, политические, религиозные измерения: в 2 ч. Ч. 1. — Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2025. — С. 475–480.

Траудт Е. А. Некоторые аспекты изучения деятельности комиссий содействий ПО соблюдению законодательства О религиозных культурах В Бурятской АССРВ середине 1970-х – начале 1980-х гг. // Религия и общество – 17. — Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2023. — С. 56–58.

Тулянов В. А. Начальный этап перестройки в сфере церковно-государственных отношений: Русская православная церковь и советское государство в 1985–1987 годах // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2025. — № 1. — С. 59–67. <https://doi.org/10.37724/RSU.2025.86.1.006>

Тулянов В. А. Русская Православная церковь и Советское государство в год Тысячелетия крещения Руси: проблемы взаимоотношений // Народы и религии Евразии. — 2024. — Т. 29, № 1. — С. 113–125. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2024\)1-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2024)1-08)

Хлевнюк О. В. Архивная революция и новые источники для изучения массовых настроений в СССР. Начало пути // История СССР и России: Архивная революция. — Москва: Модест Колеров, 2025. — С. 10–21.

Шахнович М. М. Очерки по истории религиоведения. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. — 290 с.

Шахнович М. М., Терюкова Е. А. Научный атеизм: от науки к утопии. — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. — 244 с.

Шахов М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. — Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. — 880 с.

Luehrmann S. Secularism Soviet Style: Teaching Atheism and Religion in a Volga Republic. — Bloomington: Indiana University Press, 2011. — 292 p.

References:

- Alekseev, V. A. (1991) *Illiuzii i dogmy* [Illusions and dogmas]. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian).
- Alekseev, V. A. (1992) *Shturm nebes otmeniatsia?: Kriticheskie ocherki po istorii bor'by s religiei v SSSR* [Is the 'Storming of Heaven' canceled?: Critical essays on the history of the struggle against religion in the USSR]. Moscow: Molodaya Rossiya Publ. (In Russian).
- Arsenkin, V. K. (1984) *Krizis religioznosti i molodezhi* [The crisis of religiosity and youth]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Batygin, G. G. (ed.) (1999) *Rossiiskaia sotsiologiia shestidesiatykh godov v vospominaniakh i dokumentakh* [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents]. Saint Petersburg: Russkii khristianskii gumanitarnyi institut Publ. (In Russian).

Bazarov, B. V. (ed.) (2022) *Institut mongolovedeniia, buddologii i tibetologii Sibirskogo otdelenii Rossiskoi akademii nauk: 100 let. Tom I. Ot Buruchkoma k IMBT SO RAN* [Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: 100 years. Volume I. From Buruchkom to IMBT SB RAS]. Irkutsk: Otiysk Publ. (In Russian).

Belousov, A. A. (ed.) (1971) *Voprosy preodoleniiia perezhitkov lamaizma, shamanizma i staroobriadchestva* [Issues of overcoming the remnants of Lamaism, Shamanism and Old Believers]. Ulan Ude: Buryat kn. izdat-vo. Publ. (In Russian).

Belousov, S. S. (2017) *Gosudarstvennaia religioznaia politika v Kalmykii v otnoshenii khristianskogo naseleniiia v gody sovetskoi vlasti (oktiabr' 1917–1991 gg.)* [State religious policy in Kalmykia in relation to the Christian population during the years of Soviet power (October 1917–1991)]. Elista: KalmNTs RAN Publ. (In Russian).

Belyakova, N. A. (2011) 'Religious policy in the western republics of the late USSR: the center and regions (on Ukraine example)', *Peterburgskie issledovaniia*, (3), pp. 291–313. (In Russian).

Dashkovskiy, P. K. and Dvoryanchikova, N. S. (2019) 'Atheistic Propaganda in the Altai Region as an Element of the State-Confessional Policy in 1964–1982', *Study of Religion*, (2), pp. 47–55. (In Russian). <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2019.2.47-55>

Dashkovskiy, P. K. and Dvoryanchikova, N. S. (2022) *Sovetskaia i rossiiskaia gosudarstvenno-konfessional'naia politika na iuge Zapadnoi Sibiri* [Soviet and Russian state-confessional policy in the south of Western Siberia]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian).

Dashkovskiy, P. K. and Goncharova, N. S. (2021) 'Activities of the Assistance Commissions for Monitoring Compliance with the Legislation on Religious Cults in the Mid-1970s and Early 1980s in Khakassia (Southern Siberia)', *Study of Religion*, (1), pp. 51–63. (In Russian). <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2021.1.51-63>

Dashkovskiy, P. K. and Ozhiganov, A. N. (2022) 'Atheistic propaganda in Khakassia in the mid 1960s—mid 1970s', *Nations and religions of the Eurasia*, 27(3), pp. 144–161. (In Russian). [https://doi.org/10.14258/nreur\(2022\)3-10](https://doi.org/10.14258/nreur(2022)3-10)

Dashkovskiy, P. K. and Traudt, E. A. (2023) 'Activity of the commissions of assistance on compliance with legislation on religious cults in Buryatia in the second half of the 1960s — early 1980s.', *Nations and religions of the Eurasia*, 28(2), pp. 181–196. (In Russian). [https://doi.org/10.14258/nreur\(2023\)2-10](https://doi.org/10.14258/nreur(2023)2-10)

Dashkovskiy, P. K. and Traudt, E. A. (2025a) 'Orthodox communities of the Buryat ASSR in the context of changes in Soviet religious policy in the second half of the 1980s and early 1990s.', *Nations and religions of Eurasia*, 30(1), pp. 227–255. (In Russian). [https://doi.org/10.14258/nreur\(2025\)1-13](https://doi.org/10.14258/nreur(2025)1-13)

Dashkovskiy, P. K. and Traudt, E. A. (2025b) 'The Situation of Buddhists Buryatia in the Context of the Liberalization of Soviet Religious Policy', *Journal of Frontier Studies*, (3), pp. 207–236. (In Russian). <https://doi.org/10.46539/jfs.v10i3.758>

Dashkovskiy, P. K. and Traudt, E. A. (2025c) 'The status of the Buddhists of Buryatia in the context of the religious policy of the USSR in the second half of the 1960s – first half of the 1980s', *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), pp. 167–177. (In Russian). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-69-2-15>

Ibragimov, R. R. (2005) *Vlast' i religii v Tatarstane v 1940–1980-e gg* [Power and religion in Tatarstan in the 1940s and 1980s]. Kazan: Kazanskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian).

Khlevnyuk, O. V. (2025) 'Arkhivnaia revoliutsiia i novye istochniki dlia izucheniiia massovykh nastroenii v SSSR. Nachalo puti [The Archival Revolution and new sources for studying mass sentiments in the USSR. The beginning of the path]', in *Istoriia SSSR i Rossii: Arkhivnaia revoliutsiia* [The history of the USSR and Russia: The Archival Revolution]. Moscow: Modest Korelov Publ., pp. 10–21. (In Russian).

Klimov, S. M. and Molostova, E. S. (2013) 'Scientific atheism in search for methodology of religiosity of soviet people (1960–1980s)', *Belgorod State University scientific bulletin. Philosophy, sociology, law*, (16), pp. 86–96. (In Russian).

Kotkin, S. (2001) *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*. Oxford: Oxford University Press. (Russ. ed.: (2018) *Predotvraschennyi Armageddon. Raspad Sovetskogo Soiuza, 1970–2000*). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.

Kruchkov, N. I. and Mikhailov, T. M. (1987) *Preodolenie religioznykh perezhitkov v Buriatii* [Overcoming religious remnants in Buryatia]. Ulan Ude: Buriat. kn. izd-vo, Publ. (In Russian).

Kurilov, V. A. (2021) "Perestroika" of the Atheistic system in the Soviet Union (1986–1991)', *Pushkin Leningrad State University Journal*, (3), pp. 178–190. (In Russian). https://doi.org/10.35231/18186653_2021_3_178

Luehrmann, S. (2011) *Secularism Soviet Style: Teaching Atheism and Religion in a Volga Republic*. Bloomington: Indiana University Press.

Metel, O. V. (2022) 'The Institute of the Scientific Atheism and the transformation of the field of religious studies in the USSR in the 1960–80s', *Journal of the Belarusian State University. History*, (2), pp. 40–50. (In Russian). <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-40-50>

Mikhailov, T. M. (1986) 'O nekotorykh faktorakh sokhraneniia religioznykh perezhitkov v Buriatskoi ASSR [On some factors of the preservation of religious remnants in the Buryat ASSR]', in *Ateizm i religiya v Buriati* [Atheism and religion in Buryatia]. Ulan Ude: Buriat. kn. izd-vo Publ., pp. 34–50. (In Russian).

Molodov, O. B. (2015) 'The state and confessional relations in the USSR at the critical period (on the materials of the European North)', *Society and power*, (2), pp. 95–99. (In Russian).

Odintsov, M. I. (2010) *Veroispovednye reformy v Sovetskem Soiuze i v Rossii. 1985–1997 gg.* [Religious reforms in the Soviet Union and in Russia. 1985 – 1997]. Moscow: Rossiiskoe ob"edinenie issledovatelei religii Publ. (In Russian).

Savchuk, R. A. (2025) 'From the "atheization" of society to the "secularization" of religion: Transformations of late Soviet atheism in the late 1980s (based on the materials of the yearbook "Questions of Atheism")', *Issues of Theology*, 7(2), pp. 270–287. (In Russian).

Savin, A. I. and Denninghouse, V. (2024) *Leonid Brezhnev. Opyt politicheskoi biografii* [Leonid Brezhnev. The experience of political biography]. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian).

Seleznov, A. V. (2018) 'Periodization of history of the All-Union Society "Knowledge" based on the comparative and functional analysis of evolution of its target orientations, organizational foundations and structure.', *Man and Culture*, (1), pp. 17–33. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2018.1.2557>

Seleznov, A. V. (2021) *Demiurgi novogo mira: prosvetitel'skaia deiatel'nost' Krasnoiarskoi kraevoi organizatsii obshchestva «Znanie» v 1947–1992 gg.* [Demiurges of the new world: educational activities of the Krasnoyarsk regional organization of the Znanie Society in 1947–1992]. Krasnoyarsk: Krasnoiarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet Publ. (In Russian).

Shakhnovich, M. M. (2006) *Ocherki po istorii religiovedeniia* [Essays on the history of religious studies]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet Publ.

Shakhnovich, M. M. and Teryukova, E. A. (2022) *Nauchnyi ateizm: ot nauki k utopii* [Scientific atheism: from science to utopia]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russian).

Shakhov, M. O. (2019) *Pravovye osnovy deiatel'nosti religioznykh ob"edinenii v Rossiiskoi Federatsii* [Legal bases of activity of religious associations in the Russian Federation]. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrja Publ. (In Russian).

Silantieva, M. V. (2024) 'Religious studies engagement conceptualization', in *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustoičivom mire* [Science, Technology and values in an Unstable world]. Moscow: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki Publ., pp. 519–523. (In Russian).

Smolkin, V. (2018) *A sacred space is never empty: a history of soviet atheism*. Princeton: Princeton University Press. (Russ. ed.: (2021) *Sviato mesto pusto ne byvaet: istoriia sovetskogo ateizma*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.).

Soskovets, L. I. (2013) 'Anti-religious practice of soviet state: aims, structure, stages, means', *Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice*, (9–2), pp. 178–182. (In Russian).

Sovetov, I. M. (2011) 'Sovet po delam religii pri SM SSSR: struktura, funktsii i osnovnye napravleniiia deiatel'nosti: (Epokha V. A. Kuroedova, 1966–1984 gg.) [Council on Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR: structure, functions and main areas of activity: (The Era of V. A. Kuroedov, 1966–1984)]', in *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskie i sovremennye aspekty. Vyp. 9. 9* [Freedom of Conscience in Russia: historical and modern aspects. Issue 9]. Saint Petersburg: Rossiiskoe ob"edinenie issledovatelei religii Publ., pp. 349–369. (In Russian).

Traudt, E. A. (2023) 'Nekotorye aspekty izucheniiia deiatel'nosti komissii sodeistvi PO sobliudeniiu zakonodatel'stva O religioznykh kul'takh V Buriatskoi ASSRV seredine 1970-kh – nachale 1980-kh gg [Some aspects of studying the activities of the commissions for assistance in complying with legislation on religious cults in the Buryat ASSR in the mid – 1970s and early 1980s]', in *Religiia i obshchestvo – 17* [Religion and Society – 17]. Mogilev: Mogilevskii gosudarstvennyi universitet imeni A. A. Kuleshova Publ., pp. 56–58. (In Russian).

Traudt, E. A. (2025) 'On the activities of the assistance commissions for compliance with religious cults legislation in the Buryat ASSR in the first half of the 1980-s', in *Sotsial'nye kommunikatsii: filosofskie, kul'turologicheskie, istoricheskie, psikhologicheskie, politicheskie, religioznye izmereniiia: v 2 ch. Ch. 1.* [Social communications: philosophical, cultural, historical, psychological, political, religious dimension. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet Publ., pp. 56–58. (In Russian).

Tulyanov, V. A. (2024) 'Sacred struggles: the Russian Orthodox Church and the Soviet State amidst the Millennium of the Baptism of Rus', *Nations and religions of the Eurasia*, 29(1), pp. 113–125. (In Russian). [https://doi.org/10.14258/nreur\(2024\)1-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2024)1-08)

Tulyanov, V. A. (2025) 'The initial stage of perestroika in the sphere of church-state relations: the Russian Orthodox Church and the Soviet state in 1985–1987', *The Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, (1), pp. 59–67. (In Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2025.86.1.006>

Volkov, A. P. and Galdobina, S. V. (2016) 'Molodezh' i sovetskoe gosudarstvo v 60-e–80-e gg. XX stoletiiia: nekotorye problemy effektivnosti vospitaniia i vzaimootnoshenii' [Youth and the Soviet state in the 60s–80s of the twentieth century: some problems of the effectiveness of education and relationships]', *Vestnik Ekaterininskogo instituta*, (4), pp. 7–15. (In Russian).

Zuev, Yu. P. (2009) 'Institut nauchnogo ateizma (1964–1991) [Institute of Scientific Atheism (1964–1991)]', in *Voprosy religii i religiovedeniia. Vyp. 1. Kn. 1.* [Questions of religion and religious Studies. Issue 1. Book 1]. Moscow: MediaProm Publ., pp. 9–34. (In Russian).

Информация об авторах

Пётр Константинович Дашковский — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, 656049, Барнаул, пр. Ленина 61 (Россия)

Егор Андреевич Траудт — старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, 656049, Барнаул, пр. Ленина 61 (Россия)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Peter K. Dashkovskiy — Doctor of History, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049 (Russia)

Egor A. Traudt — Senior lecturer at the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations of Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049 (Russia)

The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 03.10.25; одобрена после рецензирования 01.11.2025; принятая к публикации 03.12.2025.

The article was submitted 03.10.25; approved after reviewing 01.11.2025; accepted for publication 03.12.2025.